

Цзян Жао никак не ожидала встретить в военном лагере первого принца.

На следующее утро она проснулась рано и, выскочив из шатра, с размаху врезалась в кого-то. Оба повалились на землю. Цзян Жао отделалась легким испугом, а вот ее противник явно пострадал сильнее: он принялся громко охать и вопить:

— Какой слепой щенок посмел толкнуть меня? Жить надоело?

Солдаты, сопровождавшие его, поспешили поднять мужчину на ноги и, увидев Цзян Жао, настороженно переглянулись.

Встретившись с ним взглядом, Цзян Жао вздрогнула. Словно увидев привидение, она прикрыла лицо рукой и развернулась, надеясь поскорее убраться прочь, про себя молясь, чтобы ее не узнали. Но Мужун Цзэ окрикнул ее:

— А ну, повернись!

Поскольку перед ней стоял первый принц, послушаться означало рискнуть жизнью — его могли пристрелить на месте еще до того, как она успела бы сделать несколько шагов. Цзян Жао медленно обернулась, слегка опустив голову. Сейчас она была одета в мужское платье, а та памятная встреча произошла глубокой ночью, поэтому Мужун Цзэ действительно ее не узнал. Он лишь раздраженно проворчал что-то себе под нос и, подойдя ближе, замахнулся ногой, намереваясь пнуть ее.

Цзян Жао среагировала мгновенно. В самый последний момент она ловко отскочила в сторону. Мужун Цзэ, обладавший тучным телосложением, вложил в этот удар всю свою злость, планируя едва ли не убить обидчика, но из-за промаха потерял равновесие. С громким стуком он рухнул на землю, подняв облако пыли.

— Ты, ничтожный раб! Как ты смеешь уклоняться? Я уничтожу тебя!

Цзян Жао не удержалась и усмехнулась — вид разгневанного принца, барахтающегося в пыли, был донельзя комичным. Однако уже в следующую секунду двое дюжих молодцов схватили ее сзади и прижали к земле. От сильного нажатия колени пронзила острая боль.

Мужун Цзэ, которого наконец подняли, закипал от ярости. Он выхватил кривой нож и с предвкушающей, зловещей улыбкой начал приближаться к Цзян Жао:

— Паршивец, я прямо сейчас тебя искромсаю.

Цзян Жао не знала, почему первый принц оказался здесь, но была уверена, что Мужун Минь и его солдаты сейчас на тренировочной площадке. Ее же шатер стоял на отшибе, и надеяться на помощь было бессмысленно. В тот момент, когда клинок взмыл вверх, готовый опуститься, Цзян Жао отчаянно выкрикнула:

— Если ты убьешь меня, третий принц этого так не оставит!

Она понимала, что это вряд ли сработает — ведь Мужун Цзэ видел в Мужун Мине бельмо на глазу и вряд ли чего-то боялся. Однако, поразмыслив, она поняла: беспорядки закончились, и даже если первый принц жаждет смерти брата, он не может сделать это открыто, при всех. Приличия соблюдать придется.

И действительно, нож замер в воздухе. Мужун Цзэ прищурился, напоминая ядовитую змею перед броском.

— О? И кто же ты ему такой? Что мне будет, если я тебя убью?

Этот вопрос поставил Цзян Жао в тупик, но, чтобы выжить, она пошла ва-банк:

— Я... тот, кто делит с третьим принцем постель.

Мужун Цзэ расхохотался:

— Ха-ха-ха! Не ожидал, что третий братец окажется любителем мужчин!

Цзян Жао:

— ...

В этот момент в ее голове на повторе крутилось слово «прости». Пусть это было нечестно, но собственная жизнь была дороже.

Никто не заметил, как подоспел Мужун Минь, услышавший доклад о происшествии. Он застыл на месте:

— ...

Не успев даже порадоваться, он увидел, как Мужун Цзэ снова замахнулся ножом. Мужун Минь в один прыжок оказался рядом и намертво перехватил руку брата. Его взгляд был ледяным, а рост — значительно выше, чем у большинства людей. Мужун Цзэ в его руках выглядел как провинившийся ребенок, пойманный за дракой. Нож со звоном упал на землю.

— Посмотрим, кто посмеет ее тронуть.

Сказав это, он сжал руку брата еще сильнее. Мужун Цзэ взвыл от боли, выглядя крайне нелепо.

— Мужун Минь, как ты смеешь так обращаться со мной? Немедленно отпусти!

Разумеется, Мужун Минь не послушался. Он посмотрел на двух солдат, удерживавших Цзян Жао, и отрезал:

— Если не отпустите ее немедленно, останетесь без рук.

Солдаты побледнели, их руки дрогнули и разжались. Даже несмотря на страх перед своим господином, под убийственным взглядом Мужун Миня они не посмели послушаться, поспешно отступили и опустились на колени.

Цзян Жао поднялась, растирая онемевшую руку.

Мужун Минь хмыкнул, отпустил Мужун Цзэ и направился к Цзян Жао. Его голос мгновенно стал мягким:

— Ты в порядке?

Она покачала головой, не в силах встретиться с ним взглядом. От одной мысли о том, что она только что наговорила, ей хотелось провалиться сквозь землю.

Тем временем Мужун Цзэ, наконец освободившись, тяжело дыша, с яростью пнул двух своих солдат, вымещая на них всю злобу.

— Никчемные отбросы, бесполезные куски мусора...

После того как он продолжал браниться некоторое время, Мужун Минь холодно произнес:

— Если старший брат хочет заняться воспитанием своих слуг, пусть делает это в собственном поместье.

Смысл был предельно ясен: убирайся прочь.

Только тогда Мужун Цзэ вспомнил о цели своего визита. Он поправил одежду, и от него повеяло неприязнью:

— Третий брат, я и не знал, что ты держишь в лагере любовника. Если отец узнает, что ты пренебрегаешь военными обязанностями, не сносить тебе головы!

Цзян Жао:

— ...

Она чувствовала себя совершенно опозоренной. Лгая, она совсем забыла, что выглядит как юноша, и теперь Мужун Миню придется носить клеймо «любителя мужчин». Она решила, что позже обязательно должна будет перед ним извиниться.

Кто бы мог подумать, что Мужун Минь даже не задумается над этим обвинением и спокойно ответит, совершенно не заботясь о том, что подумают окружающие:

— Я столько лет провел в походах, подавляя мятежи, что отцу прекрасно известно, пренебрегаю я службой или нет. И поверь, он знает об этом лучше, чем ты. К тому же, для меня она — не любовник, а единственный любимый человек.

Произнося эти слова, он смотрел прямо на Цзян Жао. Его горящий взгляд заставил ее лицо вспыхнуть. Она не могла разобраться в своих чувствах, лишь про себя подумала: «Я ведь женщина, конечно, я не любовник!»

Мужун Цзэ опешил, скрипнул зубами и выдавил:

— Я пришел сообщить, что через три дня мы возвращаемся во дворец на Великую охоту. Не ожидал, что ты так увлечен своим фаворитом. Обязательно возьми его с собой, пусть все посмотрят.

Его тон был пропитан сарказмом. Мужун Минь, который изначально хотел соблюсти приличия, услышав, как тот снова называет ее любовником, помрачнел.

— Повторяю еще раз: она не любовник. Если старший брат посмеет еще раз так сказать, я не поленюсь рассказать отцу, как ты пытался отравить меня несколько дней назад.

Цзян Жао поняла, что он говорит о той ночи. Но ведь тогда он выглядел совершенно здоровым, совсем не похоже на человека, принявшего яд!

При упоминании об этом Мужун Цзэ на мгновение побледнел, но тут же самодовольно ухмыльнулся:

— И какие у тебя доказательства? В ту ночь остатки войск Наньмань напали на дворец, возник хаос, и ты попал в засаду по пути в лагерь. Разве ты не «погиб»? К тому же, как видишь, ты же здесь, жив-здоров.

Он подошел ближе и понизил голос:

— О, забыл предупредить: к Великой охоте я приготовил для тебя много особенных подарков. Обязательно приезжай.

Цзян Жао:

— ...

Мужун Минь даже не удостоил его взглядом, холодно бросив:

— Сказал? А теперь проваливай, пока я не передумал и не сделал так, чтобы ты не вернулся живым.

— Ты посмеешь?

— Хочешь проверить?

Хотя он так сказал, Цзян Жао знала: он не причинит Мужун Цзэ настоящего вреда. В оригинале книги третий принц был очень привязан к семье и не мог хладнокровно убить братьев. Даже взойдя на трон, он не стал их уничтожать, а оставил жить в покое. Он единственный, кто не презирал Мужун Цзюэ, всегда навещал девятого брата, и, если бы не запрет отца, давно забрал бы его к себе на воспитание.

Мужун Цзэ, однако, этого не знал. Он был человеком подлым и трусливым, поэтому, решив, что Мужун Минь не шутит, поспешно ретировался вместе со своей свитой. Скорее всего, после услышанного их ждала недолгая жизнь.

Когда они ушли, Мужун Минь подхватил Цзян Жао на руки и, внеся в шатер, усадил на кровать. Вспомнив те постыдные слова, что она сказала ради спасения жизни, Цзян Жао занервничала от его действий.

— Что ты делаешь? Не надо, я ведь просто ляпнула не подумав, иначе мне пришел бы конец! — задыхаясь от смущения, пролепетала она.

Но недоразумение длилось недолго: он просто хотел осмотреть раны на коленях.

Опустившись перед ней, он осторожно приподнял край одежды и штанину. Белая ткань пропиталась кровью, а на коленях красовались рваные раны размером с зерно кукурузы. Мужун Минь принес аптечку и начал обрабатывать раны — каждое его движение было невероятно бережным, почти благоговейным.

«Мне кажется?»

Когда мазь коснулась кожи, Цзян Жао невольно охнула от боли, но стиснула зубы, стараясь не подавать виду. Он и так уже столько сделал, нельзя жаловаться.

Но Мужун Минь заметил:

— Очень больно?

Цзян Жао торопливо затрясла головой:

— Нет-нет, я очень терпеливая. Это сущая ерунда.

И это была правда. В детстве родители, предпочитавшие сыновей, бросили ее в деревне, где тяжелая работа и травмы были обычным делом. После университета она работала на износ,

заработала гастрит, и каждый приступ боли был куда сильнее. Поэтому такие царапины для нее ничего не значили.

Мужун Минь замер, его тонкие губы сжались. В глазах мелькнула тень боли. Он наклонился и легонько подул на рану.

Цзян Жао:

— ...

Прохлада, разливавшаяся по колену, унимала не только боль, но и что-то внутри нее самой. Цзян Жао не могла подобрать слов, но в этот миг ей безумно захотелось запомнить черты его лица.

Она выпалила:

— Можно мне посмотреть, как ты выглядишь?

Поняв, что это может быть его больной темой, она поспешно добавила:

— Просто... мы же теперь друзья, я хочу запомнить твое лицо.

Мужун Минь поднял на нее глаза:

— Только друзья?

Это было признание? Цзян Жао вспомнила свои слова о «разделении постели» и почувствовала, как уши заливают краской.

— Друг... я должна извиниться. Из-за того, что я сказала, тебя сочли тем, кто любит мужчин. Прости.

На ее искреннее извинение Мужун Минь с обезоруживающей прямоотой спросил:

— А что именно ты сказала?

Он прекрасно знал, что она ответила.

Цзян Жао:

— Сказала... что я твой человек, делящий постель.

В этот момент ей хотелось провалиться сквозь землю и проснуться от этого сна.

Мужун Минь закончил перевязку, опустился на одно колено и, подняв на нее взгляд, тихо спросил:

— Так ты согласна?

Цзян Жао:

— ...

Она не могла смотреть ему в глаза — от одного взгляда ее прошибало током. Она отвела взгляд и пробормотала что-то невнятное:

— Я... то есть, ты... мы...

На самом деле она хотела сказать, что это лишь сон, что они — лишь тени, что в реальности у них нет ничего общего, и быть вместе — значит лишь множить страдания.

Но почему-то эта простая фраза никак не срывалась с губ.

<http://bllate.org/book/22260/2329802>